

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Б.З. ДОКТОРОВ

МИР СОЦИОЛОГИИ И МИРЫ СОЦИОЛОГОВ

Название этого текста «Мир социологии и миры социологов» родилось без явной опоры на заголовки двух известных социологам и историкам работ: книги Бориса Грушина «Мир мнений и мнение о мире» и эссе Михаила Гефтера «Мир миров: российский зачин». Оно спонтанно возникло из стремления кратко передать содержание и общую атмосферу новой работы Бориса Фирсова по недавней истории российской социологии [1]. Хотя — конечно — построения и концепции Грушина и Гефтера занимают заметное место в профессиональных воззрениях и миропонимании Фирсова, и потому они как-то образом «подталкивали» меня к выбору такого названия.

Обсуждаемая книга Фирсова является вторым изданием его монографии «История советской социологии 1950–1980-х годов», опубликованной в 2001 году [2], однако ее с полным основанием можно назвать новой. Расширение предмета анализа и, соответственно, увеличение объема текста, появление серьезных авторских комментариев и принципиальное расширение перечня цитируемых источников придали монографии новое качество. Представленные в новом издании мир советской социологии и миры советских социологов оказываются шире, многообразнее, чем десятилетие назад. В совокупности это составляет главное достоинство исследования Фирсова и задает особое место рассматриваемой книги в ряду увидевших свет в последние годы историко-социологических работ российских авторов.

В начале рецензируемой книги указывается около трех десятков монографий, сборников и статей о развитии российской социологии в течение всего периода ее существования, которые были изданы в новом

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США). **Телефон:** 1-650-571-5593.
Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

столетии. Не уверен в полноте этого перечня, тем не менее, он явно отражает тенденции, наметившиеся в отечественной историко-социологической литературе. Первая группа работ — это воспоминания ученых, стоявших у истоков современного этапа советской/российской социологии; это — прошлое, как оно виделось мемуаристам и как оно понимается ими в наше время. Вторая заметная часть работ из рассматриваемого перечня — это коллекции воспоминаний о действующих и недавно ушедших от нас социологах. В основном такие материалы носят описательный характер, но в некоторых случаях их можно трактовать как поиск подходов к анализу творчества отдельных ученых. В силу разных причин этот жанр историко-научно-исследовательских исследований у нас еще не получил должного развития. Укажу третью констелляцию работ; скорее всего, они не относились их авторами к разряду исторических, но по сути являются (и) таковыми. Из включенных в «список Фирсова» к подобным работам относятся: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» Андрея Алексева, «четыре книжки» Бориса Грушина о жизни России и социологические очерки о российском человеке Юрия Левады. Они и достаточное число не представленных в этой библиографии работ иллюстрируют пока не вошедший в круг научно-исследовательских обсуждений тезис о *биографичности* социологических исследований. Речь идет о том, что практически любая достаточно объемная, многомерная социологическая разработка, относящаяся к любой предметной, проблемной области, во многом биографична: в ней могут быть найдены факты из жизни автора, в той или иной мере отражены его ценности, интересы, говоря иначе — фрагменты его личного и профессионального мира. Следовательно, и книги этой группы содержат материал для изучения деятельности их авторов и круга специалистов, к которому они принадлежат.

Однако в силу каких-то причин Фирсов не считал возможным включить в рассматриваемый перечень источников по истории российской социологии свою недавнюю книгу о *разномыслии* в СССР в послевоенное двадцатилетие [3]. А это непременно следовало сделать, по крайней мере, в силу двух обстоятельств. Во-первых, названное исследование особенностей массового сознания советских людей в «холодные» сталинские времена и в «оттепельный» период латентно и манифестируемо глубоко биографично, мемуарно. Во-вторых, мне кажется, что главное отличие второго издания книги Фирсова по истории советской социологии от первого, обусловлено именно тем, что значительную часть прошедшего десятилетия он отдал разработке понятия разномыслия. Я не знаю, осознанно это сделано или «так получилось», но его книга по истории советской социологии приобрела *новое лицо* именно благодаря погружению автора в очень непростые,

скажем, гефтеровские ниши соприкосновения тоталитарного общества и личности.

Первое издание книги Фирсова было обстоятельно рассмотрено Еленой Здравомысловой [4], ряд особенностей строения и содержания второго издания отражены в рецензии Олега Божкова [5]. Поэтому мне хотелось бы сфокусировать внимание лишь на тех новых разделах монографии, за счет которых, на мой взгляд, автору удалось расширить мир социологии и сообщества социологов.

Очерк 7 о сотрудничестве советских социологов с их иностранными коллегами — абсолютная «новинка» книги; читая первое издание, можно было составить представление о (почти) полной замкнутости, закрытости советского мира социологии. Теперь Фирсов показал, что это не так: отечественные социологи входили в международные профессиональные ассоциации, занимали в них руководящие позиции, встречались и общались с ведущими зарубежными учеными, имели доступ к зарубежной социологической литературе. Конечно, все социологи делились на тех, кому «можно было» (крайне небольшая группа) и «кому нельзя» (подавляющее число специалистов) выезжать за границу, участвовать в групповых и тем более индивидуальных обменах мнениями с иностранцами; в целом все контакты дозировались и контролировались «компетентными органами». Но все же стена между социологами СССР и западными учеными не была сплошной.

Интересен параграф, рассказывающий о том, как западные социологи, социальные аналитики видели социологическую жизнь в СССР. Возможно, я ошибаюсь, но в столь развернутом виде эта тема ранее не рассматривалась в отечественных исторических исследованиях. Разрешу себе сделать одно уточнение историко-наукоеведческого плана. Фирсов отмечает, что первый визит американских социальных исследователей в СССР состоялся в мае 1961 года; в делегации были шесть психологов, один психиатр, один антрополог, а также два социолога: Роберт Мертон и Хенри Рикен [1, с. 278]. Полагаю, что когда-либо будет писаться обстоятельная история взаимодействия советских/российских и американских социологов и в ней будет отражен визит в Москву в ноябре 1958 года одного из основателей современных опросов общественного мнения, психолога и политолога, принстонского профессора Хэдли Кэнтрила. Тем более что по итогам поездки им была написана книга о советских политических лидерах и о советской идеологии [6].

Признавая весьма значительным для исторического анализа включение Фирсовым в его книгу раздела о наведении мостов между советскими и зарубежными социологами, я полагаю одновременно, что в своем рассказе он имел возможность привести большее число сюжетов, тем самым сделав повествование более ярким и репрезентативным. К примеру, не ограничиться воспоминаниями Андрея Здравомыслова о его встречах с Талкоттом Парсонсом, но описать свое

собственное посещение в Принстоне Джорджа Гэллапа. Аналогично можно было бы сократить изложение работы Алвина Гоулднера и привести суждения о российской социологии Роберта Мертона Алена Турена и других известных ученых, опубликованные в фундаментальном сборнике документов «Социология и власть» [7].

Отмечая осуществленное расширение в книге мира социологов, я в первую очередь имею в виду заключительные параграфы Очерков 4 и 6 и Очерк 8, итожащий книгу и озаглавленный «О советской социологии по гамбургскому счету». Хотя я не считаю возможным сейчас, учитывая неполноту нашего знания о прошлом советской социологии, давать оценку пройденного ею пути, само стремление сделать это весьма ценно. Понимая при этом, что подобных суммарных оценок будет много, и, похоже, они будут разными.

Еще весной 1999 года, начиная свой проект по истории советской социологии, Фирсов обратился к группе коллег с просьбой высказаться об общей композиции курса, который позже составил основу книги. Предлагались три варианта: 1) хронологическое описание процесса становления и развития послевоенной советской социологии, 2) обзор наиболее значимых, известных социологических исследований и 3) трактовка истории социологии через динамику ее отношения с властью, автор говорил о «восхождении на Голгофу» социологического знания в условиях советского государства [1, с. 359]. Тогда мнения друзей-экспертов разделились, в группе с Андреем Здравомысловым, Самуилом Кугелем и Теодором Шаниным я оказался среди сторонников второго варианта, то есть case-study анализа.

В чем я видел привлекательность второго из фирсовских замыслов? Мне кажется, что именно такой подход в то время (в точке встречи завершившегося и нынешнего столетий) был наилучшим. Исследования по истории современной российской социологии тогда лишь начинались, специальной литературы было мало, но на примерах лучших работ, к тому же признанных на Западе, студентам можно было показать, как складывалась отечественная социология. Важно и то, что тогда еще были живы и активно работали почти все авторы этих классических для нашей страны исследований, и они не отказали бы Фирсову поучаствовать в соответствующих занятиях.

Теперь — об ограниченности первого и третьего из обозначенных Фирсовым взглядов на историю советской социологии. Первый мне тогда представлялся трудно реализуемым, слишком мало было информации для построения развернутой хронологии. На мой взгляд, она — не начало исторических разработок, но один из важнейших итогов. Третий подход, избранный Фирсовым, тогда виделся мне несколько абстрактным и внутренне противоречивым.

Мне казалось, что движение в подобном направлении можно было избрать лишь при наличии информации о том, что социологи первых

призывов действительно трактовали свои социологические исследования как «восхождение на Голгофу». Но, скорее всего, этого не было. Напротив, были увлечение, радость от встречи с новым, мечты об улучшении общественного устройства. Приведу один пример из моего интервью с Владимиром Ядовым, проведенного на рубеже 2004–2005 годов. Мой вопрос относился к тому периоду, когда Ядов и его поколение ученых приступали к проведению социологических исследований: «Чувствовали ли вы тогда себя скованными тем, что работать надо было лишь в рамках марксизма?» Ответ Ядова был развернутым, приведу лишь самое начало:

Какая, Боря, скованность? Мы и были марксистами, но такими, которых потом окрестили идеалистами-шестидесятниками. Важно заметить, что в тот период марксизм как-то уютно со-вмещался с парсонским позитивизмом. «Бульдозер» (как его назвал Грушин) М. Руткевич, директор ИКСИ, писал о «социальных перемещениях» (читай — мобильности) и проч. Он же опубликовал сборник Андрея Здравомыслова с его предисловием и переводами Парсонса. Почему так? Парсонс отлично отвечал интересам брежневских прагматиков: стабильность системы [8, с. 9–10].

Указанная внутренняя противоречивость рассматриваемого «третьего» подхода усматривается мною в том, что он излишне акцентирует зависимость научного творчества от влияния властной среды. Ведь в действительности профессиональное поведение ученого детерминируется многими макро- и микро-, внешними и внутренними, долгосрочными и краткосрочными и прочими обстоятельствами. Кроме того, профессиональное сообщество советских социологов использовало множество приемов *фильтрации* властных сигналов или просто *игнорировало* их. В качестве примера приведу фрагмент интервью с Францем Шереги:

Первый серьезный социальный заказ, который был мне поручен, исходил от центральных политических органов в 1982 году (ЦК КПСС и ЦК комсомола). Было предложено изучить социальные проблемы строителей Байкало-Амурской железно-дорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда на «стройку века», планы строителей на будущее. Удивительным было то, что, несмотря на высокий политический заказ, начальник ГлавБАМСтроя (статус зам. министра) К.В. Мохортов в течение длительного времени находил повод не пускать интервьюе-ров на БАМ. В итоге у меня и работников ЦК комсомола со-стоялась встреча с Мохортовым в Москве. Он ознакомился с анкетой, я пообещал исключить из анкеты острые вопросы о социальных проблемах строителей, после чего Мохортов дал

указание руководителям участков БАМа допустить к работе наших интервьюеров. Признаюсь, никаких сокращений в анкете я не сделал, я знал степень занятости руководителей такого ранга и был уверен, что читать анкету он больше не будет. Исследование было очень трудным и в высшей степени интересным [9, с. 10].

Понимание реального мира обстоятельств, мира социологии и миров социологов позволило Фирсову не только рассмотреть многие линии вмешательства режима, государства, идеологии в деятельность социологов, что предусматривалось особенностями его подхода к истории советской социологии, но выйти далеко за рамки этой парадигматики. Это и делает рецензируемую работу высоко значимым историко-научным исследованием. Оно в равной мере будет полезным тем, кого интересуют творчество ученых, создававших советскую социологию; события, образующие прошлое науки; а также тем, кто задумывается о методологии изучения нашей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. Очерки: [Учебное пособие] / Борис Фирсов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
2. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.
3. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008.
4. *Здравомыслова Е.А.* О книге Б.М. Фирсова «История советской социологии 1950–1980-х годов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 3. С. 204–208. [<http://ecsocman.hse.ru/data/864/827/1219/Zdravomyslova.pdf>].
5. *Божков О.Б.* История советской социологии — это часть нашей жизни // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 158–168.
6. *Cantril H.* Soviet leaders and mastery over man. New Brunswick: Rutgers University Press, 1960.
7. *Осинов Г.В., Москвичев Л.Н.* Социология и власть. Как это было на самом деле. М.: Экономика, 2008.
8. *Ядов В.А.*: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11 [http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348361424318file.pdf].
9. *Шереги Ф.Э.*: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14 [http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749726451205file.pdf].